

**ТЕРРОР И РОССИЙСКИЕ ЛИБЕРАЛЫ
В УСЛОВИЯХ ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1905–1907 гг.****

В статье анализируется отношение российских либералов к террору в условиях революции 1905–1907 гг., выделены два направления восприятия террора среди либералов, а также охарактеризована позиция и тактика либеральных партий по вопросу применения террора в I и II Государственных Думах.

Ключевые слова: террор, либерализм, Первая российская революция, тактика, Государственная Дума.

На рубеже XIX–XX вв. начался качественно новый этап в эволюции русского либерализма. В нем возникает и начинает набирать силу новое течение, носителем которого становится интеллигенция. Изменилась и сама тактика этого нового течения либерализма. Если земские (дворянские) либералы категорически выступали против нелегальной деятельности, то либеральная интеллигенция приступила к изданию нелегальных журналов, газет, листовок, прокламаций, использованию методов захватного права. Более того, она оказывала материальную и техническую помощь леворадикальным партиям и организациям [1, с. 140].

Либеральная общественность конца XIX – начала XX в. видела в действиях террористов примеры самопожертвования и героизма, а в них самих – людей редких гражданских качеств, которыми двигал глубокий гуманизм, и поэтому им прощали даже преступления [2, с. 25–26]. Так, В.А. Маклаков вспоминал: «Мне приходилось в судах защищать революционеров-фанатиков, которые ставили ставку против власти на Ахеронт; я уважал их героизм, бескорыстие, готовность жертвовать собой и для других, и для дела: я мог искренно отстаивать их против жестокости и беспощадности репрессий государственной власти, тем более что она часто на них вымещала свои же грехи и ошибки» [3, с. 352]. До октября 1905 г. предшественники кадетов, члены «Союза освобождения», хотя и называли себя умеренными либералами и отказывались участвовать в актах насилия, довольно часто поддерживали социалистических радикалов, превращая свои дома в убежища для террористов и снабжая деньгами эсеров, полагая, что террор – эффективное орудие в политической борьбе с царским правительством [4, с. 254].

Большинство земских деятелей присоединилось постепенно к сторонникам «политического радикализма», т. е. к «Союзу Освобождения». Либералы, которые, как, например, Д.Н. Шипов, не хотели отказываться от надежды, что «государственная власть добровольно откажется от пагубной политики недоверия и преследования сво-

* © Пазин Р.В., 2013

Пазин Роман Викторович (PazinRV@gmail.com), кафедра российской истории Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0004 «“Обретение родины”: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)».

бодного проявления личной и общественной жизни», стали меньшинством среди представителей земской общественности [5, с. 214].

И в то время как шансы на победу революции постоянно возрастали, руководители «Союза освобождения» все больше склонялись к тактике, предложенной П.Н. Милюковым в июне 1905 г.: «Все средства теперь хороши против той ужасной опасности, которая вытекает из самого факта существования правительства. И все средства должны быть испробованы» [4, с. 300]. По его мнению, «политическая ситуация была слишком серьезной, чтобы допускать чрезмерную шепетильность в выборе средств» [4, с. 255]. П.Н. Милюков дорожил своей выгодной и удобной ролью оппозиционера, поскольку она обеспечивала популярность без какой-либо ответственности. Он полагал, что даже отказ от предложенного сотрудничества с правительством С.Ю. Витте можно оправдать тем, что кадетский «авторитет был производным фактом» от политической позиции, «он упал бы тот час до уровня «октябристов», если бы они согласились делать их политику» [6, с. 315]. Поэтому в ответ на публикацию Манифеста 17 октября П.Н. Милюков, воодушевленный растерянностью правительства и успехами, которые освободительное движение сумело достигнуть в большой степени благодаря радикальной тактике, заявил от лица только что сформировавшейся кадетской партии, что «в данную минуту надо... идти тем же путем, каким Россия только что пришла к октябрьскому манифесту, т. е. соединением либеральной тактики с революционной угрозой» [7, с. 394].

Кадеты в 1906 г. на заседаниях I Государственной Думы предпринимали попытки отменить смертную казнь и добиться амнистии для террористов, поскольку полагали, что террористическая деятельность была «логична» при сложившихся обстоятельствах, когда террористы являлись лишь невинными жертвами тирании и беззакония, идущего сверху [8, с. 353]. В. Маклаков не без оснований утверждал, что кадетское руководство считало революционеров «не врагами конституционного строя, а «союзниками слева»... Уже в I-й Государственной Думе, которой кадетская партия руководила тогда, она отказалась вынести даже на будущее время моральное осуждение террору как средству борьбы, и это в момент, когда за прошлое она для всех просила амнистии» [3, с. 351]. А главную причину потери кадетского влияния он впоследствии видел в «их тактике в I-й Думе, т. е. стремлении сочетать оба пути — конституционный и революционный» [9, с. 81].

Еще до созыва I Государственной Думы и во время ее первых заседаний, когда правительство казалось чрезвычайно ослабленным, а кадеты были на вершине своего политического престижа, партийные деятели даже не находили нужным скрывать свою подлинную точку зрения, прямо отказываясь осудить политические убийства [10, с. 484].

Перед началом работы II Государственной Думы кадетское руководство обсуждало вопрос, связанный с определением отношения партии и фракции к террору. 10 февраля 1907 г. ЦК постановил, что необходимо выработать обязательное для фракции партийное решение по этому вопросу с учетом того, что «при предложении осуждения террора таковое должно быть отвергнуто» [11, с. 177]. 16 февраля 1907 г. в своем докладе на пленарном заседании ЦК П.Н. Милюков предполагал, «что правые, вероятно, потребуют от Думы осуждения революционного террора», но «такое провокационное предложение следует категорически отклонить» [12, с. 257].

Вскоре после открытия заседаний II Думы кадеты, не имея больше прежней силы и влияния, которыми они обладали в I Думе, стали подвергаться нападкам. В ходе прений 12–13 марта 1907 г. выяснилось, что октябристы и близкие к ним депутаты требовали осуждения как революционного, так и правительственного террора. Кадеты же осуждали смертные приговоры, выносимые военно-полевыми судами, но отка-

зывались порицать террористов. В ответ на это 13 марта 42 правых и умеренных депутата выступили с заявлением «О выражении Государственной Думой порицания политическим убийствам и террору», но запрос был отклонен [13, стб. 354–528]. Во II Государственной Думе кадетам весной 1907 г. в течение шести недель удавалось противодействовать дебатам о революционном терроре и стремлениям вынести резолюцию с его осуждением [14, с. 75]. Раз за разом они голосовали за то, чтобы отложить дебаты о революционных убийствах. Наконец, 15 мая 1907 г. они официально объявили о своем решительном и безоговорочном отказе голосовать за резолюцию «о порицании убийств, террора и насилий» [15, стб. 608–610].

Таким образом, становится ясно, что партия конституционных демократов, декларировавшая примат права и законности, сторонница правового государства, протестовавшая против властного произвола, в условиях российской революции 1905–1907 гг. приветствовала самую незаконную форму насилия – террор.

Но были и другие течения в либеральном лагере, не разделявшие кадетскую позицию по вопросу допустимости оправдания применения террора. Например, на Первом всероссийском съезде делегатов «Союза 17 октября» М.А. Стахович выразил позицию по отношению к любым формам насилия, разделявшуюся большинством октябристов: «Мы одинаково не сочувствуем и революции, и реакции; нам одинаково кажутся незаконными как насильственные революционные действия, так и ломка со стороны правительства основных начал Манифеста 17 октября» [16, с. 121].

Октябристам удалось провести в I Думу лишь 16 своих депутатов, и их голос в российском «парламенте» почти не был слышен [17, с. 433]. Лидеры фракции (П.А. Гейден, М.А. Стахович, Н.С. Волконский) получили известность как инициаторы не состоявшегося осуждения Думой «политических убийств». Из-за своей малочисленности октябристские депутаты серьезного влияния на ход работы I Думы оказать не могли.

Во II Думу октябристам удалось провести 43 своих депутатов. Характер и направленность деятельности октябристов во II Думе мало отличались от их опыта годичной давности. Они по-прежнему настаивали на осуждении Думой революционного террора.

Либеральные течения, находившиеся между кадетами и октябристами, занимали позицию по отношению к террору, как правило, близкую к октябристским оценкам. Например, в обращении к населению от Партии мирного обновления 27 июля 1906 г. было зафиксировано, что «...думская группа приняла название «Обновление», желая указать на то, что она враждебна насилию и произволу, откуда и от кого бы они ни исходили. Обновление нашей родины возможно лишь путем преобразований, а не действиями насилия, убийством и грабежом» [18, с. 78]. В извещении уже от Партии демократических реформ повторялись положения мирнообновленцев, характеризующие положение в России с точки зрения умеренных либералов: «Никогда не было произносимо и приводимо в исполнение столько смертных приговоров. И вместе с тем никогда не повторялись так часто и в таких ужасающих формах террористические акты» [18, с. 83].

Таким образом, партии демократических реформ и мирного обновления в ходе Первой российской революции не отказывались от жесткой критики правительственного террора, потому что, с их точки зрения, насилие со стороны государства препятствовало установлению уважения к праву и добровольному подчинению закону. Но, с другой стороны, осуждались и всякие террористические акты революционеров: экспроприации, убийства, вооруженные восстания и т. д., – поскольку такая революционная деятельность была вредным и преступным проявлением насилия, торжество которого может привести лишь к поклонению грубой силе и создать почву для новых

насилий. Только путь конституционной борьбы представлялся им перспективным в борьбе за установление в стране законности и порядка.

Именно умеренно-либеральные партии осознавали дестабилизирующую силу ежедневных покушений, подрывающих сам принцип законности и порядка, и считали, что необходимо осудить любой террор для восстановления стабильности в обществе. Также они выступали за мирное обновление России путем демократических реформ с учетом исторического опыта стран Запада и России, а в основу тактики были положены принципы постепенности преобразований, абсолютного неприятия насилия как метода политической борьбы.

Значение политического террора в истории России сложно переоценить. Проблема отношения к различным видам террора и оценки этого явления в условиях российской революции 1905–1907 гг., по сути, расколола либералов на два лагеря.

К началу XX в. было достигнуто понимание и даже сотрудничество между большей частью российского либерально настроенного образованного общества и террористами. Естественно, такие настроения в кругах, лояльных правительству, не способствовали успеху официальных мер против террора, а терпимость, понимание и даже оправдание революционной тактики либералами, которые к тому же с осуждением относились к репрессивным мерам властей, еще более усложняли положение правительства.

Все либералы были едины в призыве провести политическую амнистию и отменить смертную казнь. Умеренно-консервативные либералы (октябристы, демреформисты, мирнообновленцы и пр.) призывали революционные партии одновременно с проведением амнистии и отменой смертной казни прекратить политический террор. Они даже были готовы признать военно-полевые суды, учрежденные для борьбы с революционерами, далеко не идеальной системой юриспруденции и протестовали против политических убийств, откуда бы они ни исходили. Кадеты же проявляли также еще и сочувственное отношение к террору как методу политической борьбы, что отдаляло их от остальной части либерального лагеря. По своей тактике и стратегии кадеты были ближе к радикалам. И.И. Петрункевич, видный кадет, считал, что российские «либералы, радикалы и революционеры различались не политическими целями, а темпераментом» [19, с. 169].

Власть воспринималась интеллигенцией, в том числе и либерально настроенной, как воплощение абсолютного зла, поэтому убийство или покушение на убийство для достижения определенных политических целей было обусловлено убежденностью в бесчеловечности существующего строя [20, с. 178]. Поэтому для представителей «демократического» (интеллигентского) либерализма (например, многих кадетов) вопрос допустимости применения террора во многом был тактическим средством, но для умеренных и консервативных либералов любой террор никогда и ни при каких условиях не мог быть оправдан с нравственно-этической точки зрения, хотя это и приводило к косвенной критике правительства, которое вело борьбу с экстремистами. Многие представители умеренно-консервативного течения либерализма считали, что именно нежелание государства к проведению реформ и демократизации власти было источником, порождающим подобные методы борьбы, а путь выхода из сложившегося положения виделся в созидательной деятельности Государственной Думы, ориентации на поиски консенсуса, на согласование интересов различных слоев общества, создание широкого блока реформистских сил, проведение необходимых, с их точки зрения, преобразований, установление твердого и стабильного конституционного строя и пр.

Библиографический список

1. Секиринский С.С., Шелохаев В.В. Либерализм в России: очерки истории (середины XIX – начало XX в.). М., 1995.
2. Гейфман А. Революционный террор в России. 1894–1917. М., 1997.
3. Маклаков В.А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954.
4. Шацилло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. М., 1985.
5. Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918.
6. Милюков П.Н. Воспоминания: в 2 т. Т. 1. Нью-Йорк, 1955.
7. Павлов С.Б. Опыт первой революции: Россия. 1905–1907. М., 2008.
8. Милюков П.Н. Год борьбы. СПб., 1907.
9. Маклаков В.А. Вторая Государственная дума. Воспоминания современника. 20 февраля – 2 июня 1907 года. М., 2006.
10. Леонтович В.В. История либерализма России. 1762–1917. М., 1995.
11. Протоколы Центрального Комитета и зарубежных групп конституционно-демократической партии: в 6 т. Т. 1. М., 1994.
12. Шелохаев В.В. Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1983.
13. Государственная дума: Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 год. Сессия вторая. Т. 1. СПб., 1907.
14. Леонов М.И. «Заговор против императора» и II Государственная Дума // Вестник Самарского государственного университета. Сер.: Гуманитарная. 2009. № 7 (73).
15. Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 год. Сессия вторая. Т. 2. СПб., 1907.
16. Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК: в 2 т. Т. 1. Протоколы съездов и заседаний ЦК. 1905–1907 гг. М., 1996.
17. Христофоров И.А. От самодержавия к думской монархии // Первая революция в России: Взгляд через столетие. М., 2005.
18. Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906–1916 гг. Документы и материалы. М., 2002.
19. Пайпс Р. Русская революция: в 3 т. Т. 1. М., 1994.
20. Леонов М.И. Террор и смута в Российской империи начала XX в. // Вестник Самарского государственного университета. Сер.: Гуманитарная. 2007. № 5/3 (55).

*R.V. Pazin****TERROR AND RUSSIAN LIBERALS IN CONDITIONS OF THE FIRST RUSSIAN REVOLUTION OF 1905–1907**

In the article the attitude of Russian liberals to terror in conditions of revolution of 1905–1907 is analyzed, two areas of perception of terror among liberals are allocated and also the position and tactics of liberal parties on the question of use of terror in the I and II State Dumas is characterized.

Key words: terror, liberalism, revolution of 1905–1907, tactic, State Duma.

* *Pazin Roman Viktorovich* (PazinRV@gmail.com), the Dept. of Russian History, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.